

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3.001

**В.Н. Калущков, В.М. Матасов
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ВОПРОСЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПУШКИНОГОРЬЯ)***Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

С позиции культурной географии обсуждается проблематика литературного ландшафта. Эти ландшафты формируются в результате взаимодействия литературного и географического пространств. Выделяются региональные и личностные литературные ландшафты. Первые следует рассматривать как региональный тип национального литературно-географического пространства. Вторые представляют собой локус литературно-географического пространства, образ которого связан с определенным литературным именем.

Личностные литературные ландшафты — это естественно-искусственные образования, которые, с одной стороны, созданы творчеством гения и народной мифологией, с другой, профессиональной деятельностью музейных проектировщиков. Сочетание литературных, исторических и природных локусов литературного ландшафта образует неразрывную целостность территории, ее горизонтальную структуру. Вертикальная структура литературного ландшафта исторична и чаще всего предстает перед исследователями в виде палимпсеста – проступающих друг из-под друга культурно-исторических слоев.

Опыт прочтения литературного ландшафта реализуется на хорошо всем известном примере Пушкинского музея-заповедника. За 100 лет пушкинский ландшафт не только расширил свою территорию, но и усложнил свою горизонтальную структуру (за счет появления новых литературных мест и оформления исторических мест) и вертикальную структуру в результате «выращивания» новых слоев ландшафта.

Ключевые слова: литературный ландшафт, культурная география, Пушкиногорье, музей-заповедник, литературное пространство.

**V.N. Kalutskov, V.M. Matasov
LITERARY LANDSCAPE AND ISSUES OF ITS DEVELOPMENT (A CASE STUDY OF
PUSHKINOGORYE)***Lomonosov Moscow State University, Moscow*

The article deals with issues of literary landscapes. These are formed by the interaction of literary and geographical spaces. There are regional and personal literary landscapes. The first ones should be regarded as a regional type of national literary and geographical space. The second ones are a locus of literary and geographical space associated with a certain literary person.

A personal literary landscape is a natural-artificial formation created by works of a genius and folk mythology, on the one hand, and professional activities of museum designers, on the other hand. The combination of literary, historical and natural loci of a literary landscape form the inseparable integrity of the territory, its horizontal structure. The vertical structure of a literary landscape is historical, and often appears as a palimpsest, i.e. mixed cultural and historical layers.

The experience of reading a literary landscape is realized through a well-known example of the Pushkin Museum. In a period of 100 years Pushkin's landscape has not only expanded its territory, but also complicated its horizontal and vertical structure as a result of "growing" new layers of the landscape. Now there are four main cultural and historical strata of the museum.

Key words: literary landscape, cultural geography, Pushkinogorye, museum-reserve, literary space.

doi 10.17072/2079-7877-2017-1-25-34

Литературная география относится к важнейшим разделам культурной географии, поскольку роль литературы в освоении и осмыслении пространства трудно переоценить [1–5; 8; 9; 12; 14]. Однако теоретико-методологические основы литературной географии разработаны пока недостаточно. Это связано как со сложностью самого предмета, так и с пограничным положением дисциплины между культурной географией и литературоведением.

Одним из важнейших понятий литературной географии является понятие *литературного ландшафта*, который можно считать одной из разновидностей *культурного ландшафта* [6]. В данной работе под *литературным ландшафтом* понимается *сложный природно-культурный территориальный комплекс, обладающий устойчивым литературным образом*.

Выделяются региональные и личностные литературные ландшафты.

О региональном литературном ландшафте. С одной стороны, это выражение нередко используют как метафору. Вместе с тем *региональный литературный ландшафт можно рассматривать как региональный тип национального литературного, точнее, литературно-географического, пространства*. В таком контексте он сопрягается с понятием регионального сверттекста. Ландшафтные мотивы довольно отчетливо «звучат» в понятии регионального сверттекста, которое разработал В.Н. Топоров [13]. И понятно, почему сверттекст. Потому, что нелитературные — географические — компоненты играют в нем едва ли не решающую роль.

Региональный сверттекст — это система литературно-языковых и внелитературных (природных и культурных) компонентов, «порождающая» региональные тексты и связанные с ними литературные образы.

Выделяется два уровня сверттекста. Первый литературно-языковой уровень образуют характерные для данных региональных текстов словечки и выражения, наиболее яркие литературные образы, типичные сюжеты, мотивы.

Второй внелитературный (природно-культурный) уровень формируют внелитературные компоненты, на которые опираются региональные тексты. К ним относятся: особенности природы (для Петербурга — это белые ночи, наводнения, болота), сообщества (для Петербурга характерны полиэтничность, «финскость»), важнейшие пространственные локусы (Петропавловка, Исаакий, Невский, Медный всадник...), особенности планировки (прошпект, линия в Петербурге), характерные топонимы, имена региональных акторов — гениев места, знаковые события региональной истории.

Таким образом, второй уровень регионального сверттекста, по сути, характеризует региональный культурный ландшафт. В таком лингво-культурно-географическом аспекте можно выделять петербургский литературный ландшафт, пермский литературный ландшафт, уральский литературный ландшафт, которые корреспондируют с соответствующими региональными сверттекстами (петербургским, пермским, уральским).

Кроме того, с использованием простой географической карты региональный литературный ландшафт можно представить как *гроздь важнейших литературных мест региона*. К примеру, орловский литературный ландшафт пространственно отображается как спектр орловских литературных музеев (Тургенева, Бунина, Лескова, Леонида Андреева), тургеневской усадьбы Спасское-Лутовиново, других литературных мест.

По форме охватываемой территории можно выделять *площадные* и *линейные* региональные литературные ландшафты. Примеры площадных ландшафтов мы привели выше. *Линейными литературными ландшафтами являются ландшафты исторических путей, запечатленные в литературных произведениях.*

К примеру, таким можно считать Чуйский литературный ландшафт, неразрывно связанный с историческим Чуйским трактом Алтая. Важнейшими творцами этого ландшафта стали А.М. Шукшин (рассказы, сценарий и фильм «Живет такой парень»), В.Я. Шишков (сборник путевых очерков «По Чуйскому тракту» и сборник рассказов «Чуйские были»), а также автор широко известной в регионе песни «Чуйский тракт» поэт Михаил Михеев. Многие из литературных образов ныне материализованы — поставлены памятники Шукшину, Шишкову и... песне «Чуйский тракт», а в Бийске создан самобытный музей Чуйского тракта. Одним из косвенных показателей высокого культурного статуса Чуйского тракта стало его «удлинение»: исторический тракт начинался в Бийске и протягивался до монгольской границы (его длина составляла 630 км). Ныне он начинается в столице Сибири Новосибирске, а длина его возросла почти до 1000 км.

Литературный ландшафт как личностный ландшафт. Ниже мы будем рассматривать *личностные литературные ландшафты*, т. е. такие литературные ландшафты, возникновение и развитие которых связано с творчеством и жизнью определенного литературного гения.

Личностный литературный ландшафт представляет собой сложный локус литературно-географического пространства, образ которого связан с определенным литературным именем, например, пушкинский литературный ландшафт Пушкиногорья, толстовский ландшафт Ясной Поляны, тургеневский литературный ландшафт Спасского-Лутовинова.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что литературные ландшафты, как и многие культурные ландшафты, представляют собой природно-культурные образования, в которых логика саморазвития дополняется логикой проектного действия. Иначе, мемориальная деятельность, т. е. деятельность по сохранению и развитию наследия гения, является мощным фактором развития литературного ландшафта.

Как правило, на базе важнейших литературных мест национального и регионального уровней организованы музеи или музеи-заповедники. Их роль в создании новых образов и новых литературных мест трудно переоценить. Многолетняя мемориальная деятельность по исследованию, музеефикации и интерпретации творчества гения места приводит к новому качеству — к формированию литературного ландшафта.

Литературный ландшафт представляет собой сложный локус литературно-географического пространства, состоящий из системы мест и урочищ. Если рассматривать литературный ландшафт с позиции его пространственной организации как соотношение отдельных пространственных локусов, то можно понять внутреннюю логику его пространственного развития.

Основу личностного литературного ландшафта составляют *литературные места*. При этом всегда выделяется важнейшее — *центральное* — литературное место. В пушкинском ландшафте Пушкиногорья, к примеру, таковым является Михайловское. Это абсолютный центр пушкинского ландшафта. Относительно центрального места выстраивается вся пространственная организация литературного ландшафта. Другие значимые в литературном ландшафте литературные места — центры второго порядка — задают дополнительные важные пространственные смыслы и тем самым способствуют децентрализации ландшафта.

В местах сгущения грозди литературных мест образуются сложные пространственные комплексы — литературные урочища.

Другие культурные — *исторические* — места-локусы формируют культурный контекст данного ландшафта. Они могут быть представлены городищами, историческими поселениями, сельскохозяйственными угодьями, историческими путями и т.п.

Природные урочища образуют природный фон литературного ландшафта. Это могут быть лесные массивы, болота, речные долины, озера. Роль природы в литературном ландшафте исключительно велика. Она «отвечает» за аутентичность, подлинность ландшафта («Это озеро мог видеть Пушкин», «Под этим дубом мог сидеть Тургенев»).

Личностный литературный ландшафт — сложный природно-культурный территориальный комплекс, состоящий из литературных и нелитературных (исторических, природных) локусов.

Литературный ландшафт Пушкиногорья: анализ случая. Процесс развития личностного литературного ландшафта протекает в двух взаимосвязанных направлениях — усложнение литературно-географического пространства через создание новых литературных и нелитературных мест (*пространственное развитие литературного ландшафта*) и содержательное конструирование литературного ландшафта, усложнение его структуры за счет наращивания новых слоев (*«вертикальное» развитие ландшафта*).

Ярким примером развивающегося и усложняющегося литературного ландшафта можно считать ландшафт Пушкиногорья, сформировавшийся за последнее 100 лет.

Когда мы приезжаем в Пушкиногорье в любое время года, мы не устаем восхищаться красотой пушкинских пейзажей, неоднократно воспетых поэтом. С благоговением приближаемся и входим в дом Поэта, внимательно осматриваем его окрестности — озеро Кучане-Петровское, примыкающий парк, аллею Керн, крест и часовню в конце Еловой аллеи, которые мог видеть Пушкин, идем на Савкину горку, где любил бывать поэт; минуя городище Воронич, посещаем Тригорское, сильно повлиявшее на его творчество... Все эти места для нас образуют незабываемый пушкинский ландшафт.

Но если мы, хоть ненадолго, перестанем быть туристами и взглянем на эти действительно прекрасные места глазами исследователя, мы увидим другой ландшафт. Из современных мест и

урочищ Пушкин мало что мог видеть. В основном это места, связанные с псковской природой и традиционной культурой: ледниковые озера и валуны, коренные и вторичные леса, древние псковские могильники (жальники), средневековые каменные кресты, городища (Савкину горку, Воронич), Святогорский монастырь, окружающие Михайловское деревни, общественные сакральные места.

*Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...
Деревня, 1819*

Значительная часть материального наследия современного ландшафта Пушкиногорья изменена или сделана заново. Так, все без исключения усадьбы музея-заповедника восстановлены, все деревянные церкви и часовни также относятся к новоделам, почти все средневековые каменные кресты привезены из других мест; огромный вяз, перед усадебным домом в Михайловском, посажен сыном поэта Григорием Александровичем после смерти Пушкина, им же созданы хозяйственные постройки и выкопаны михайловские пруды...

Попытаемся разобраться, как исследователям, проектировщикам, хранителям пушкинского наследия удалось не только сохранить, но и преобразовать, развить пушкинский ландшафт, всю совокупность мест, связанных с образом поэта и образами его произведений?

Напомним, что процесс развития литературного ландшафта протекает в двух взаимосвязанных направлениях — содержательное конструирование литературного ландшафта, усложнение его структуры за счет наращивания новых слоев («вертикальное» развитие ландшафта) и усложнение литературно-географического пространства через создание новых литературных и нелитературных мест относительного основного литературного места (пространственное развитие литературного ландшафта).

Пространственное развитие пушкинского литературного ландшафта. Пространственная структура отражает развитие пушкинского наследия от небольшого ядерного локуса (Михайловского) в начале XX в. до сложного современного ландшафта Пушкиногорья.

Пространственная история пушкинского ландшафта разделяется на 3 этапа, которые в деятельностном и личностном планах могут быть идентифицированы через уникальную личность бессменного руководителя пушкинского музея-заповедника — Семена Степановича Гейченко: этап до Гейченко, этап Гейченко и этап «Постгейченко».

Первый этап охватывает период с конца XIX по середину XX в. Уже в 1899 г. Михайловское выкупают у наследников на народные пожертвования. В 1911 г. в усадьбе поэта открывается первый пушкинский музей: заповедное имение «Пушкинский уголок» [7]. Тем самым начинает активно формироваться литературное место Михайловское. Но созидательное движение прерывается в результате революционных событий; в 1918 г. крестьяне расхищают и сжигают все усадьбы округи, включая Михайловское, Тригорское и Петровское.

В советское время первый позитивный шаг был сделан в 1922 г., когда по постановлению Совета народных комиссаров была создана охраняемая территория «Пушкинский уголок Псковского края», а усадьбы (точнее, пепелища на их месте) Михайловское, Тригорское и могила поэта в Святогорском монастыре объявлены заповедными.

Но несмотря на государственное решение на территории Михайловского организуется свиноводхоз, а в домике няни помещается пчельник [7]. Реальные же конструктивные действия по восстановлению усадеб начались в преддверии столетия поэта: в 1933 г. Михайловское передается в ведение Академии наук СССР, а в 1936 г. территория Пушкинского заповедника расширяется за счет передачи ему новых пушкинских мест: городищ Савкино и Воронич, села Петровское и всей территории Святогорского монастыря. И главное – в 1937 г. в восстановленной усадьбе Михайловского был открыт «Дом-музей Пушкина в Михайловском». Тем самым начинает складываться пушкинский ландшафт. Но фашистская оккупация Псковщины, продолжавшаяся с 1941 по 1944 г., принесла новые сильные разрушения: были уничтожены здания усадеб, постройки Святогорского монастыря, повреждена могила Пушкина, сильно пострадали ансамбли усадебных парков [7].

Второй этап связан с полувековой (!) деятельностью Семена Степановича Гейченко, который с 1944 по 1988 г. был директором Пушкинского заповедника, а с 1988 по 1993 г. – его главным консультантом и хранителем.

Поскольку до 1953 г. заповедник находился в ведении Академии наук страны, то благодаря такому мощному интеллектуальному ресурсу в трудные довоенные и послевоенные годы удалось наладить деятельность по исследованию пушкинского наследия, реставрационную деятельность, работы по музефикации, системную издательскую деятельность.

Третий этап, этап «Постгейченко», охватывает постсоветское время. Это этап экстенсивного развития пушкинского ландшафта.

В 1995 г. музей-заповедник резко расширяет свои границы: в ее состав включаются 28 населенных пунктов, 4 исторические усадьбы – Воскресенское, Дериглазово, Лысая гора, Косорымы, а также 2 анклава: городище Врев с усадьбой Голубово и городище Велье с историческим селом Велье с прилегающей к нему территорией.

Новые территории нужно рассматривать как огромный ресурс развития музея-заповедника, но пока они весьма слабо освоены в музейном и экскурсионном планах, а некоторые из них еще и трудно доступны.

Современный пушкинский литературный ландшафт состоит из отдельных литературных урочищ, которые представляют собой сгущения связанных между собой литературных мест, и отдельных литературных мест, а также исторических объектов (реконструированных строений, восстановленных и свезенных часовен и крестов, мемориальных валунов), исторических урочищ (валы, городища, могильники) и природных урочищ — лесных массивов, озер, болот (рис. 1).

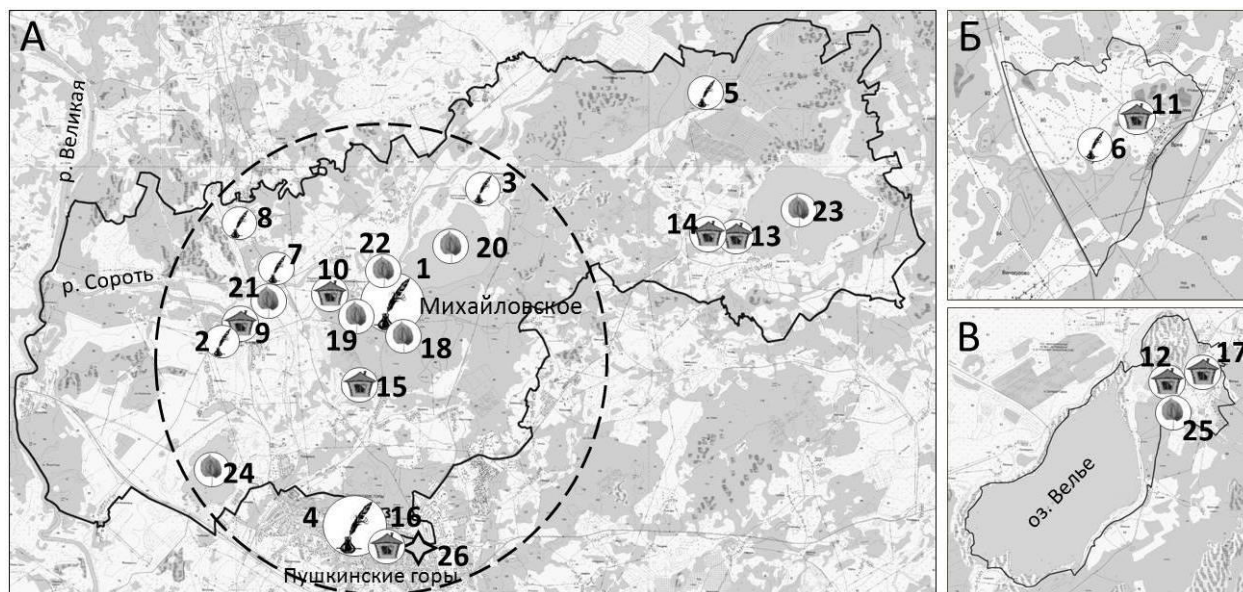

Рис. 1. Современный пушкинский литературный ландшафт. Важнейшие пространственные локусы

Литературные места: музеи-усадьбы «Михайловское» (1), «Тригорское» (2), «Петровское» (3) с мемориальными парками XVIII-XIX вв., могила А.С. Пушкина и некрополь Ганнибалов и Пушкиных (4), имения родственников, друзей и соседей поэта: Воскресенское (5*), Голубово (6*), Дериглазово (7*), Лысая гора (8*). Нелитературные места: городища Воронич (9), Савкино (10), Врев (11*), Велье (12*), Крылово (13*), жальничный могильник у д. Крылово XII-XVII вв. (14*), музей «Пушкинская деревня» в д. Бугрово (15), ансамбль Святогорского Свято-Успенского монастыря XVI-XIX вв. (16), историческая часть купеческого села Велье (17*). Природные урочища: Михайловские роши (18), озера Маленец (19) и Кучане (20), река Сороть (21) и пойменные луга по Сороти от Михайловского до Тригорского (22), озера Белогули (23*), Каменец (24*) и Черное (25*). Другое: научно-культурный центр Пушкинского заповедника в пос. Пушкинские горы (26). Центральная зона современного пушкинского литературного ландшафта показана пунктиром. Звездочкой помечены перспективные для мемориального освоения локусы

По мнению авторов концепции развития Пушкинского музея-заповедника на период до 2024 г., к основным местам и урочищам пушкинского ландшафта относятся несколько десятков мест и

природных урочищ [7]. Среди важнейших литературных мест разработчики концепции развития музея-заповедника выделяют музеи-усадьбы «Михайловское», «Тригорское», «Петровское» с мемориальными парками XVIII–XIX вв., могилу А.С. Пушкина и некрополь Ганнибалов и Пушкиных, а также имения родственников, друзей и соседей поэта: Воскресенское, Голубово, Дериглазово, Лысая гора. Именно в эту группу входят центральные литературные места пушкинского ландшафта – музей-усадьба «Михайловское» и могила А.С. Пушкина.

К наиболее значимым нелитературным (историческим и этнографическим) местам пушкинского ландшафта относятся городища Воронич, Савкино, Врев, Велье, Крылово, жальничный могильник у д. Крылово XII–XVII вв., музей «Пушкинская деревня» в д. Бугрово, ансамбль Святогорского Свято-Успенского монастыря XVI–XIX вв. и историческая часть купеческого села Велье.

Важное место в пушкинском ландшафте занимают природные и природно-антропогенные урочища: Михайловские рощи, озера Маленец и Кучане, река Сороть и пойменные луга по Сороти от Михайловского до Тригорского, а также озера Белогули, Каменец и Черное (рис. 1).

Исходя из результатов анализа карты, литературное освоение пушкинского ландшафта далеко от завершения. Довольно хорошо освоена только центральная зона ландшафта, которая на карте показана пунктиром (рис. 1). Многие исторические и литературные места, примыкающие к этой зоне, еще ждут своих проектировщиков. Сходная ситуация наблюдается и для двух территориальных кластеров музея-заповедника, удаленных от центра заповедника, – вельский и вревский участки, которые на карте обозначены буквами Б и В соответственно.

Основные процессы «вертикального» развития пушкинского литературного ландшафта

При исследовании вертикальной структуры литературного ландшафта органичной, а главное действенной, показала себя идея палимпсеста. Как любому реставратору, имеющему дело с неоднократно написанным поверх предыдущего слоя текстом или картиной, исследователю литературного ландшафта приходится иметь дело с различными его слоями. Чтобы верно «прочитать» такой ландшафт, нужно отчетливо понимать его происхождение и преемственность, уметь отделять природные, исторические и литературные «новоделы» от реликтов. Если посмотреть на современный топонимический образ территории, то в нем будут названия из совершенно непересекающихся в пространстве-времени локусов. Мы увидим очень своеобразное смешение проступающих друг из-под друга исторических слоев, сформированных разными причинами и процессами. Однако расшифровка подобного палимпсеста позволяет не только увидеть, но и понять, а порой и восхититься деятельностью (спонтанной или продуманной) людей, создававших этот литературный ландшафт.

В основе «вертикального» развития пушкинского литературного ландшафта лежит всенародная любовь к поэту и его творчеству. В разное время это глубокое народное чувство проявляется по-разному. На первом этапе оно выразилось в создании на народные пожертвования самого пушкинского музея, в советское время — в массовом движении доброхотов (добровольных помощников музея-заповедника). Любовь к поэту выражается и в общественном переосмыслении и интерпретации отдельных локусов пушкинского ландшафта.

Один из важнейших процессов «вертикального» развития пушкинского ландшафта — это процесс *топонимической локализации и физической материализации пушкинских исторических и художественных образов*. Процесс материализации образов, как отмечают исследователи, начался уже в 1930-е гг. Так, липовая аллея, по которой по преданию поэт гулял с Анной Петровной Керн, уже в середине 30-х гг. стали называть аллеей Керн, а с начала 1960-х гг. «народный топоним» закреплен в изданиях [11].

Подобная эволюция — от народного топонима к официальному произошла и с другими местами. В результате на карте появляются новые литературные места, а структура пушкинского ландшафта усложняется.

Особенно много литературных мест-новоделов появилось в усадьбе Тригорское, поскольку именно Тригорское прочно закрепилось в общественном сознании в качестве «дома Лариных». По этой причине в усадебном парке в середине прошлого века появляются новые онегинские литературные локусы: «аллея Татьяны», «дуб уединенный», «скамейка Онегина». В результате материализации связанных с Пушкиным образов возник новый топонимический слой пушкинского ландшафта.

Маркировка пушкинских мест (с помощью ледниковых валунов). Эта замечательная идея принадлежит С.С. Гейченко [10]. Он осмысливает начавшийся стихийно процесс материализации пушкинских образов и активно в него включается. Отсюда и возникает идея маркировки в ландшафте пушкинских мест с использованием пушкинских цитат. Работа «предуготовлена» Пушкиным,

поскольку поэт сам обозначил в своих произведениях эти места. И для реализации идеи выбирается органичный для региона материал – местные валуны ледникового происхождения.

Камни, валуны представляют собой широко распространенный природный элемент на Псковщине. Поэтому валуны-маркеры в ландшафте выглядят очень органично. Один из многочисленных примеров — валун с пушкинскими словами «Дорога, изрытая дождями», установленный на пути на Савкину горку. Кроме того, валуны используют и в качестве дорожных указателей. В результате ландшафт музея-заповедника приобретает новое качество: расширяется география пушкинских мест, а сами литературные места насыщаются новыми пушкинскими образами.

Усиление достоверности пушкинского ландшафта обусловлено сочетанием двух процессов — реконструкцией материальных объектов, связанных с дворянской культурой региона, и восстановлением объектов традиционной крестьянской культуры. В силу исторических причин все деревянные усадьбы округи были неоднократно уничтожены. Поэтому нынешние усадьбы представляют собой новоделы. Так, Михайловское было воссоздано в 1947–49 гг., Тригорское – в 1962 г., а Петровское – в 1977 г. [7]. Одновременно осуществляется реставрация парковых ансамблей.

Усиление достоверности пушкинского ландшафта за счет восстановления объектов традиционной крестьянской культуры происходит в двух направлениях – восстановление традиционных культовых объектов, церквей и часовен и воссоздание исторических псковских деревень.

Воссоздание традиционной псковской деревни. Процессы депопуляции сельской местности и размывания традиционного образа жизни привели к существенному изменению облика псковской деревни. С другой стороны, псковская традиционная культура представляют собой огромный ресурс для развития пушкинского ландшафта, ресурс, который уже частично задействован.

Музей «Пушкинская деревня», созданный в д. Бугрово, – хороший пример подобной реконструкции. На научной основе восстановлены традиционные крестьянские дома, хозяйственные постройки, включая амбары, ветряные и водяные мельницы и т. д. Важно, что восстанавливается не только внешний вид традиционной псковской деревни, но и традиционные технологии: работает водяная мельница, поддерживаются крестьянские огороды с традиционным набором культур. А фольклорный коллектив музея-заповедника «оживляет» деревню, обеспечивая визуализацию и звуковой компонент псковского ландшафта.

Восстановление традиционных культовых объектов. Как и усадьбы, все деревянные храмы, церкви и часовни в округе были уничтожены. Один из первых восстановленных храмов — Михайловская часовня на Савкиной горе, одном из самых любимых мест Пушкина (1970 г.). Другие храмы воссозданы позже.

Усиление достоверности пушкинского ландшафта за счет его насыщения аутентичными архитектурными и археологическими артефактами. Места и урочища традиционного псковского ландшафта в своей совокупности представляют собой важную природно-культурную среду пушкинского творчества, овесящая связь народного гения с русским национальным ландшафтом. Это хорошо понимал С.С. Гейченко, исследуя материальные и духовные пласты традиционного псковского ландшафта. И потому наряду с восстановлением культовых объектов для усиления достоверности пушкинского ландшафта он стал тактично насыщать архитектурными и археологическими артефактами среду музея-заповедника [10].

Речь, прежде всего, идет о средневековых каменных крестах, собранных в разных районах Псковщины и размещенных в «подходящих» местах музея-заповедника. Идея, безусловно, не бесспорная, но не стандартная.

Для размещения этих аутентичных, но с ландшафтной позиции новодельных элементов, использовались исторические кладбища, городища; в некоторых случаях кресты размещались отдельно. Самый известный из таких ландшафтных новоделов — Крюков крест; он сделан в 1514 г., привезен из д. Стечки Пушкиногорского р-на в 1967 г. и установлен в конце еловой аллеи Михайловского. Грозди каменных крестов установлены на Савкиной горке (вокруг единственного «местного» Савкина креста, поставленного в 1513 г.), на склонах холма Святогорского монастыря, на кладбище городища Воронич.

«Оживление» пушкинского ландшафта. При восстановлении ландшафта важно насыщение его не только материальными, но и нематериальными компонентами, включая восстановление фольклорно-этнографических и событийно-исторических образов ландшафта. В качестве конкретных мероприятий можно отметить опыт по визуализации местных обрядов, традиционных игр, бытовых

моментов жизни дворянской усадьбы. В этих действиях принимают участие и профессионалы, и движение доброхотов, добровольных помощников музея-заповедника, движение, инициированное С.С. Гейченко. В итоге актуализируются визуальные этнокультурные и исторические образы пушкинского ландшафта.

В результате в современной вертикальной структуре пушкинского ландшафта можно выделить 4 основных слоя: слой реликтового псковского ландшафта, слой восстановленных элементов псковского традиционного ландшафта, пушкинский слой и «сверхпушкинский» слой (рис. 2).

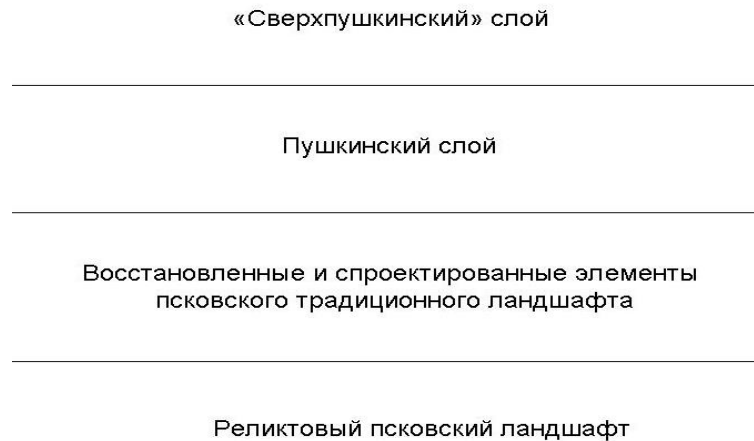

Рис. 2. Вертикальная структура пушкинского литературного ландшафта

Реликтовый псковский ландшафт. Он включает в себя сохранившиеся элементы псковской традиционной культуры: древние могильники, древние кресты, городища, деревни, общественные сакральные места, а также природные и природно-антропогенные урочища.

Восстановленные и спроектированные элементы псковского традиционного ландшафта. Его образуют: свезенные кресты, воссозданная этнографическая деревня, восстановленные храмы, а также фольклорно-этнографический нематериальный компонент.

Пушкинский слой. В него входят места и природные урочища, где он бывал, которые он видел и описал (городища, парки, озера, леса и т. д.).

«Сверхпушкинский» слой. Он включает в себя восстановленные усадьбы, хозяйственные постройки, материализованные пушкинские исторические образы (аллея Керн) и образы пушкинских произведений (аллея Татьяны, скамейка Онегина), а также десятки новых пушкинских литературных мест.

Итак, литературные ландшафты представляют собой интересный объект культурно-географического исследования. Выделяются региональные и личностные литературные ландшафты.

Личностные литературные ландшафты следует рассматривать как естественно-искусственные образования, которые, с одной стороны, созданы творчеством гения и народной мифологией, а, с другой, профессиональной деятельностью музейных проектировщиков. К примеру, за 100 лет пушкинский ландшафт Пушкиногорья не только расширил свою территорию, но и усложнил свою горизонтальную структуру (за счет появления новых литературных мест и оформления исторических мест) и вертикальную структуру в результате «выращивания» новых слоев ландшафта.

В пространственной структуре литературного ландшафта четко выделяется центральное литературное место, организующее все пространство ландшафта. Наряду с литературными местами важную роль играют нелитературные локусы – исторические и природные. Исторические места в литературном ландшафте «отвечают» за исторический контекст, а природные урочища – за его подлинность. Тем самым сочетание литературных, исторических и природных локусов литературного ландшафта представляет собой огромный ресурс для музейно-экспозиционных и экскурсионных проектов.

Важное место в литературном ландшафте занимает топонимия как историческая, так и новобразованная. Это язык литературного ландшафта, обладающий значительным ассоциативным потенциалом.

Библиографический список

1. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин; М.: Институт Наследия, 1997. 224 с.
2. Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.
3. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
4. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
5. Калуцков В.Н. Концептуальные основы литературной географии // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 118-125.
6. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
7. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» на период до 2024 года. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2015. 186 с.
8. Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX веков (геокультурный аспект) / под ред. Ю.А. Веденина. М.: Институт наследия, 1998. 128 с.
9. Максаковский В. П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: книга для учителя. М.: Просвещение, 2006. 407 с.
10. Михайловская пушкиниана: сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 20. Памяти Семена Степанович Гейченко. М., 2001. 172 с.
11. Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. Т. 1. С. Михайловское. М., 2003. 448 с.
12. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 311 с.
13. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
14. Tuan, Yi-Fu. The City as a Moral Universe // Geographical Review. 1988. Vol. 78. №3. P. 316–324.

References

1. Vedenin, Y. A. (1997), *Ocherki po geographii iskusstva* [Essays on Geography of Art], Dmitry Bulanin, St.-Petersburg; Heritage Institute, Moscow, Russia.
2. Vedenin, Y.A. (2006) "Literary landscapes as a heritage objects", *Geography in school*. Vol. 8, pp. 15–21.
3. Zamyatin, D.N. (2004), *Metageographiya: prostranstvo obrazov i obrazi prostranstva* [Metageography: Space of images and images of space], Agraph, Moscow, Russia.
4. Zamyatin, D.N. (2006), *Cultura i prostranstvo: modelirovanie geographicheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling geographical images], Znak, Moscow, Russia.
5. Kalutskov, V.N. (2016), "Conceptual bases of literary geography", *Uralskij istoricheskij vestnik*, Vol. 2 (51), pp 118–125.
6. Kalutskov, V.N. (2008), *Landschaft v kulturnoj geographii* [Landscape in cultural geography], Novij hronograph, Moscow, Russia.
7. *Koncepcija razvitija Federalnogo gosudarstvennogo budgetnogo uchrejdenija kulturi "Gosudarstvennij memorialnij istoriko-literaturnij i prirodno-landschaftnij muzej-zapovednik A.S. Pushkina "Mikhailovskoye" na period do 2024 goda.* [The concept of the Federal State budget institution of culture "State Memorial History, Literature and Natural Landscape Museum-Reserve of A.S. Pushkin "Mikhailovskoye" for the period until 2024]. (2015) Pushkin Preserve, Seltso Mikhailovskoye, Russia p.186
8. Lavrenova O.A. (1998) *Geographicheskoe prostranstvo v russkoj poezii 18-nacala 20 vekov (geoculturnij aspekt)* [Geographical space in Russian poetry XVIII - early XX centuries (geo-cultural aspect)] in: Vedenin Y.A. (ed.). Heritage Institute, Moscow, Russia.
9. Maksakovskii, V.P. (2006), *Literaturnaja geographija: geographicheskie obrazi v russkoj hudojestvennoj literature: kniga dlya uchitelei*, [Literary Geography: geographical images in Russian literature: Book for teachers], Obrazovanie, Moscow, Russia.
10. *Michaellovskaja Pushkiniana: a collection of articles researchers Museum-Reserve of AS Pushkin "Mikhailovskoye."* Issue 20. Memory to Semen Stepanovich Geychenko, (2001), Moscow. p.172.
11. *Pushkin Encyclopedia "Mikhailovskoye"* in 3 parts. P. 1. S. Mikhailovskoye. (2003), Moscow, p. 448.

12. Semenov-Tyan-Shanskij, V.P. (1928), *Raion i strana* [District and Country], Gosudarstvennoe izdatelstvo, Moscow, USSR.

13. Toporov, V.N. (1995), Petersburg and the "Petersburg Text of Russian literature" (Introduction to) in Toporov V.N. ed. *Mif, Ritual, Simvol, Obraz: Issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in Mithopoetic: Favorites], Publishing Group "Progress" - "Culture", pp. 259 - 367.

14. Tuan, Yi-Fu. (1988), *The City as a Moral Universe*, Geographical Review, July. Vol. 78, No. 3. pp. 316–324.

Поступила в редакцию: 12.07.2016

Сведения об авторах

Калуцков Владимир Николаевич

доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Россия, 119992, г. Москва, Ленинский проспект, д.31, корп. 1; e-mail: bratynia@rambler.ru

About the authors

Vladimir N. Kalutskov

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Regional Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; 31/1, Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119192, Russia; e-mail: bratynia@rambler.ru

Матасов Виктор Михайлович

аспирант кафедры физической географии и ландшафтоведения географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, e-mail: viktor.matasov@landscape.edu.ru

Viktor M. Matasov

Assistant, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, Russia; e-mail: viktor.matasov@landscape.edu.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Калуцков В.Н., Матасов В.М. Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №1(40). С. 25–34. doi 10.17072/2079-7877-2017-1-25-34

Please cite this article in English as:

Kalutskov V.N., Matasov V.M. Literary landscape and issues of its development (a case study of Pushkinogorye) // Geographical bulletin. 2017. № 1(40). P. 25–34. doi 10.17072/2079-7877-2017-1-25-34

УДК 911.375.4+304.444

А.А. Лядова¹, С.А. Меркушев²

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ И ОБОГАЩЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

²Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Пермь

Рассматриваются возможности использования культурных инноваций в трансформации и повышении степени диверсификации функциональной структуры городов Пермского края. Предлагается алгоритм оценки культурных инноваций. Демонстрируются основные результаты этой оценки для всех 25 городов региона. На их основе выявляется культурно-инновационная система